

ОХЛОКРАТИЯ: КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ

П.Д. ТИЩЕНКО

Определим понятия

Слово охлократия имеет два корня, каждый из которых в свою очередь имеет несколько смыслов. Выбираю из них релевантные рассматриваемой теме. Греческий корень «ὄχλος» означает толпу, массу. Второй греческий корень «κράτος» указывает на господство, власть и силу.

Феномен толпы был обнаружен в момент рождения политической философии в работах Платона и Аристотеля именно тогда, когда мысль сделала первые попытки понять человеческую общность, различить в ней сущность и существование, бытие и не-бытие; меру и без-мерное; порядок и стихию хаоса. Толпа как общность оказалась одним из воплощений ненормативности, хаотичности и безмерности.

Всякая эпоха, создавая свое многообразие нормативных представлений о смысле человеческой общности (некотором возможном идеальном порядке), тем самым создавала особый локус, а точнее границу с тем состоянием человеческого общежития, которое выходит за рамки наброшенной нормативности, границу с безмерностью и хаосом. Эпоха Просвещения, ставившая в центр человеческого в человеке идеи знания, рациональности и автономного контроля внешних обстоятельств, идею совершеннолетнего человека как автора своих слов и поступков, обнаружила эту границу в нестабильных социальных образованиях, которым целесообразно приписать двойное название – массы и толпы. Их «естественными» свойствами являются иррациональность, внушаемость, господство бессознательных сил, криминальность и другие свойства, которые легко определяются как противоположные позитивным качествам просвещенного (рационального) человека.

Упрощая ситуацию, предположим, что о массе стоит говорить тогда, когда пограничное состояние человеческой общности интериоризируется, рассматривается как один из вариантов ее (общности) собственного состояния. Это состояние, в зависимости от того, локализуем ли мы нормативные представления о должной организации общности в прошлом или будущем оценивается по-разному. Для революционеров конца XIX – начала XX века массы (например, пролетарские массы) были историческим материалом для создания нового будущего общественного устрой-

ства. Естественно, их роль была прогрессивной. Для человека, нормативные представления которого об обществе сформировались в прошлом (неважно насколько оно удаленно) и впитались в его плоть и кровь в качестве «естественных» мерил должного человеческого состояния, масса несет чисто негативное значение. Из этой перспективы возникают суждения о массовой культуре или массовом человеке. В любом случае, хаос и становление интериоризированы – они являются собственной квалификацией общности. Собственной в том же смысле, в каком становление было движущей силой движения понятия в логике Гегеля. В данном случае, используя термин А.Ф. Лосева, можно говорить о «логическом» становлении, воплощенном в массе как источнике прогрессивного или регрессивного развития.

Слову «толпа» я предлагаю придать значение воплощенной в человеческой общности стихии «алогического» становления, стихии, которая разворачивается, что называется, по ту сторону рационального схватывания (осмысления) и научной предствимости событий. Эта особого рода реальность пограничного состояния обнаруживается в опытах трансгрессии и присутствует в качестве «следов». Хайдеггер назвал ее «тенью», нависающей и все более сгущающейся над человечеством.

Подобное различие массы и толпы в разных вариантах истолкования можно найти уже у Г. Лебона, Г. Тарда и З. Фрейда. У последнего оно (различие) строится на двусмысленности трактовки основополагающего термина бессознательное. С одной стороны (в *описательном* смысле), оно включает все богатство психической жизни, которое не попадает в поле сознания. С другой, оно предстает как теоретически (*топически*) в принципе представимая (первоначально в сознании психоаналитика) «часть» этой жизни наравне с сознанием и предсознанием. Топическое представление является условием создания психоаналитического метода (технологии) лечения (усвоения и контроля), условием возможности осознания (одомашнивания) бессознательных импульсов индивидуальной и коллективной «души». Бессознательное массы относится к этому второму типу. Несмотря на его ускользающий и становящийся характер, воздействие на него возможно. Бессознательное толпы является разностью между описательным и топическим смыслом. Оно адресует к *непредставимому* как таковому. К той реальности человеческого бытия, которая не вмещается в пред-ставление как особую форму данности того, что *есть*. Разработка этой реальности началась в работах А. Бергсона и

М. Хайдеггера, а затем стала доминирующей темой в философии постмодернизма.

Соответственно двойной структуре пограничной общности массы/толпы корень *κράτος* в новоевропейской культуре так же дает значение двум близким, но радикально различным понятиям силы и власти. В общей форме можно сказать, что понятие силы работает в мире событий, определенных причинными отношениями (мир природы, включая «вторую природу» человека). В отличие от силы, о власти имеет смысл говорить, касаясь событий в мире свободы (целесообразных действий, поступков). Совместно сила и власть, будучи формами освоения реальности человеком, образуют сферу его господства или *могу*-щества.

Жизнь, как феномен, не вмещающийся ни в один из миров, указывает на границу *между* ними. В плане представления — это сфера условности («как если бы» по Канту), которая внутри освоенных культурой форм предстает (пред-ставляется) в эстетической образности, а по ту сторону культуры в человеческом мире — как без-образное без-образное. Жизнь, ускользя от схватывания и овладения технологиями силы и власти, формирует онтологическую прореху в человеческом мире. Сферу человеческой *не-мощи*. Разлом между могуществом и немощью воплощен в различии между массой и толпой.

Можно сказать более точно, что, по сути, перед нами одна *пограничная* среда (такая же, как кромка в жерле вулкана между наблюдаемой поверхностью застывшей лавы и огнедышащим мраком недр Земли), которая в разных проекциях предстает в оппозициях толпы/массы и немощи/мощи. Именно ее я назвал бы *охлократией*.

Причем, поскольку это имя указывает на границу и претендует на то, чтобы некоторым образом пред-явить в речи не только представимое и схватываемое, но и не-представимое и ускользящее, то возникает следующая трудность. Для того, чтобы не было иллюзии состоявшегося именованя (схватывания словом и мыслью) следовало бы, написав слова «толпа» и «немощь» тут же (как делал Ж. Деррида) зачеркнуть их. Однако, зачеркивание, избавляясь от одной иллюзии, порождает другую и не одну, а, по крайней мере, две. Оно порождает иллюзию ясности и освоенности у зачеркнутых слов и само на них (ясность и освоенность) претендует. Ведь в знаке зачеркивания, выступающем в качестве имени конкретного действия, присутствует свое собственное алогическое становление, а значит и это слово, и все остальные слова текста

следовало бы так же зачеркнуть. Следовательно, можно обойтись и без зачеркиваний, оставив все, как оно есть и становится, но не забывая о принципиальной сложности именования всего того, что относится к эффектам алогического становления.

Для дальнейшего продвижения в истолковании смысла охлократии полезно осуществить расстраивание предмета наших размышлений. Два великих мыслителя (К. Ясперс и М. Вебер) строили свои построения, вводя *троичные структуры* для понимания общества и господства. *Расстраивание* означает удостоверение в том обстоятельстве, что один из трех элементов пуст или виртуален. Он нужен лишь для того, чтобы удержать самождественность двух других элементов, вобрав в себя из них эффекты неустойчивости и становления. Тем самым *стройная благоустроенная троичная структура* деконструируется, превращаясь в антитетически представленный, напряженный и динамичный (благодаря своей *неустроенности*) интервал мысли как особой формы жизни. Виртуальный член является для антитетически различенных двух предельных состояний своеобразным «включенным» третьим. Он чем-то напоминает диалектическое основание, в котором противоположности «тонут» (снимаются). Но это снятие осуществляется не в *тождестве*, а в осно-полагающем *различении*, которое будучи интериоризировано публикой и народом, становится для них условием возможности трансформации, сохраняющей не самождественность разворачивающихся во времени стадий, а их самоподобие.

Карл Ясперс и типы общности

Сила и власть есть лишь там, где люди готовы жить и действовать вместе. Поэтому принципиальное значение имеет понимание характера этого *вместе* – общности. К. Ясперс выделял три состояния общности, определяющие, по его мнению, направление своеобразного исторического регресса – народ, публика и масса. «Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ – это нечто субстанциальное и качественное. Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна. Она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы – она пуста»¹. Публика занимает промежуточное место.

«Публика составляет первую стадию на пути превращения народа в массу. Как только народ перестает жить полной жизнью, черпая силы в своем сообществе, возникает множество, состав-

ляющее публику, необъятное подобно массе, но воплощающее в себе общественное мнение о духовных ценностях в их свободной конкуренции»². Причем речь идет не просто о множественности индивидов, но и множественности идей, идеологий, форм жизни и самоидентификаций. В каком-то смысле, структуры народа, публики и массы соответствуют трем формам самоидентичности, которые описала Маргарет Мид. Постфигуративная идентичность характерна для народа. Образ самих себя предсуществует для каждого входящего в мир как традиционно данный. Конфигуративная идентичность характерна для публики. Она актуально производит свою самоидентичность в режиме здесь и теперь (современности). По описанию Ясперса, публика почти совпадает с тем, что сегодня обычно называют гражданским обществом. Для массы ее самоидентичность префигуративна – она существует как неопределенный, открытый к переопределению антропологический проект.

Займствуя в целом структуру, предложенную Ясперсом, позволю себе дать ей несколько иную интерпретацию. Во-первых, вертикаль регресса (и симметричного направления возможного прогресса) развития общности я разверну в горизонталь, утверждая, что перед нами не диахронические стадии, а синхронно со-существующие взаимопереходящие ее (общности) состояния. Народ, публика и масса – это взаимодополнительные описания одного и того же состояния человеческой общности – интервалы (пределы), в рамках которых осуществляется человеческая жизнь.

Во-вторых, и это прямое следствие первого, состояние массы (и ее алогической подкладки – толпы) не может рассматриваться чисто негативно. По сути масса – это социальная форма-посредник в преобразовании одних типов социального общежития в другие. Данное обстоятельство отмечал еще Г. Тард. Это общественное бытие в переходном состоянии, состоянии кризиса, нестабильности. Бесформенность – условие трансформации, но одновременно – потенциал агрессии и насилия. Из массы возникают новые формы публики и народа. Или скажу иначе: публика и народ становятся другими, развиваются (неважно, прогрессивно или регрессивно), обнаруживая и усваивая массу в себе. В этом смысле С. Московичи писал о Г. Лебоне, что его открытие заключается в том, что «в сердцевине общества обнаруживается масса, почти так же, как в человеке – животное или в скульптуре – дерево»³.

Проходя через состояние неопределенности и количественной неразличимости, общность претерпевает процесс трансформаций. Причем этот переход не следует рассматривать как единичное

событие типа революции (хотя подобные события действительно наиболее заметны). Любая налично сущая общность постоянно становится иной. Масса и есть воплощенная в социальную организацию публики и народа стихия становления. Сама по себе она не образует, как полагал Ясперс, общность особого типа. Но, в отличие от толпы (о ней будет сказано позже) это «логическое», т.е. усвоенное общностью становление.

Например, принятие решения или выработка нормативного документа через процедуру голосования является формой трансформации публики как определенного рода общности через состояние массы. В этом состоянии человек приравнивается к «голосу» — неважно одному (как в демократической процедуре) или нескольким в зависимости, к примеру, от числа принадлежащих акций в собрании акционеров. В любом случае качественная специфика и индивидуальность голосующего сводится к количественной мере. В принятом решении или законодательной норме общность (публика) приобретает качественную квалификацию. Например, постоянно меняющееся в ответ на вызовы исторической ситуации законодательство постепенно трансформирует идентичность общности. Речь при этом не идет только о парламентах или советах. Выборы кардиналами Папы римского, или Патриарха Собором так же осуществляются через переходное состояние массы — качественной различности, сведенной к количественной мере.

Современная система образования, делающая ставку не на выпуск готового специалиста, а на формирование у него компетенций приобретения различных навыков и специальностей в зависимости от потребностей производства, фактически формирует человека-потенцию — не образованного субъекта, а открытого преобразованиям, человека массы. Публика существует в любой общности лишь в той степени, в которой образующие ее индивиды готовы для достижения согласия и формирования коллективной воли к обезличиванию, переходя в состояние массы — согласия на принесение своей индивидуальности (и личной, и профессиональной) в жертву множественности. Социальные институты и процедуры трансформации общественных структур путем количественного обезличивания (превращения в массу) являются исторически особыми формами обеспечения социальной стабильности в потоке исторических изменений. Социальная трансформация через стадию массы наглядно выражена в жизни огромного числа людей, простирающейся между домом и работой (местом учебы). Переход (в чем-то он напоминает лиминальный

переход) осуществляется через включение в организованные (деперсонализированные) *массы* пешеходов, пассажиров городского транспорта, автомобилистов.

Проблема российской общности (впрочем, как и любой другой) заключается в том, что в отношении себя граждане рассматривают подобного рода обезличивание негативно и действуют по принципу «любви к ближнему». Например, повсеместно принято распределение дефицитных ресурсов (сюда входят не только материальные ценности и должности, но и, главное, время нашей жизни), прежде всего между родственниками, соплеменниками, друзьями, коллегами, однокашниками, любимчиками и т.д. В то же время от других мы столь же настойчиво требуем справедливости, равной доступности дефицитного ресурса для всех, оценивая естественное для состояния «любви к ближнему» предпочтение как коррупцию. Мы требуем делить дефицитные ресурсы честно, по принципу «любви к дальнему», перепроверя себя на публичную и признаваемую качественную самодостаточность, которая и является основой человеческой общности в качестве публики.

«Любовь к ближнему» образует субстанциальную и качественную, основанную на традициях, целостность, присутствующую в общности как *народе*. Поэтому народ структурирован как сложное многообразие иерархических отношений по степени близости. Возникновение и стабильное существование народа требует более радикальной жертвы, чем жертва индивидуальностью. На этот алтарь необходимо положить жизнь. Поэтому состоянием, в наибольшей степени способствующим формированию человеческой общности как народа, является война. Неслучайно в известном обращении Сталина при объявлении о начале войны прозвучало: «Братья и сестры!». Война — та радикальная форма, в которой история тестирует конкретное человеческое сообщество — есть или нет в нем качество народа. Готовность граждан воевать и умереть означает присутствие в их душах ценности, которая выше ценности индивидуальной жизни. Эта ценность определяется различно — Бог, род, царь или отечество. Человек, жертвующий жизнью во имя высшей ценности становится героем. Неважно, что в мирной жизни он мог быть насильником и пролил немало крови невинных людей: его собственная жертва меняет его социальный статус, превращая его в предмет народной любви и почитания. Подчеркну, любви тех, кто образует народ. Тех, для кого высшая ценность существует. Тысячи памятников героям, разбросанных по всему миру — это узлы памяти, традиций. Символы того, что можно назвать духовностью.

В любом случае, жертвоприношение выступает как процедура обнаружения и конституирования общности, ее преобразования. Войны, как и процедуры голосования публики, являются состояниями, при которых возможно преобразование форм общности как народа, причем в такие переходные (нестабильные) периоды народ может стать массой, правда, отличной от массы публики. Народ становится армией, группой обезличенных униформой индивидов, объединенных основным качеством — готовностью отдать жизнь на алтарь высшей ценности. «Народ и армия едины!» — знаменитый лозунг последней великой войны. Военачальник посылает в бой не Иванова, Сидорова или Рабиновича, а отделение, роту, батальон, армию и т.д. Результат так же для него анонимен — потери убитыми и ранеными, выраженные в цифрах, а не в личностях. Проходя войну, общество как народ обновляется, можно сказать, омолаживается. В мирное время народ «приходит в себя», празднуя памятные даты своих великих побед.

Толпа — это «алогическое» становление как антипод логическому, усвоенному общностью в форме масс, встроенному в различного рода процедуры и ритуалы. Каждая исторически определенная общность имеет столь же определенный (а, следовательно — ограниченный) взгляд на себя в форме религиозных, научных, подручных и иных представлений, свои особые, но весьма ограниченные практики «заботы о себе». Позволю себе приписать этот термин Фуко также и общности. Реальное становление общности просачивается сквозь поры и разрывы ее представлений о себе. Сообщества время от времени сталкиваются с самими собой как с чужими, не схватываемыми на путях припоминания, неодолимыми, ускользают от используемых практик освоения. Тем самым они обнаруживают в себе *толпу*.

Публика обнаруживает в себе толпу, квалифицируя ее в терминах девиантного поведения, которое, следует различительным линиям силы (патологическое) и власти (криминальное). Границу между патологическим и криминальным формирует проблема вменяемости. Экспертиза вменяемости — профессиональная (психиатрическая) и обыденная (постоянно в каждом из нас осуществляющаяся) технология проведения демаркации в событиях жизни между тем, что некто сделал, и тем, что с ним произошло помимо его воли и желаний.

Народ обнаруживает перед собой толпу как дикую стихию, неповинующей, бунтующей, не вписывающейся в вертикальные иерархии взаимозависимостей жизни. Толпа по ту сторону общ-

ности. Пушкинское «*Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный*» как раз и указывает на две характеристики толпы: *нерациональность (бессмысленность) и а-социальность (беспощадность)*. Беспощадность — это не просто жестокость. Это отказ от образующей основу социальности как народа любви к ближнему. Отказ от милости и милосердия. Когда поэт в другом произведении говорит о том, что он «прославил свободу» и «милость к падшим призывал», здесь речь идет не о призыве к доброте душевной государя, а о признании бунтовщика одним из своих, одним из тех на кого распространяются милости суверена. Беспощадность указывает на асоциальный характер другого.

Враг в войне (толпа) приобретает в самосознании каждой из воюющих сторон образ зверя, бесчеловечно жестокой орды варваров, которых, естественно, нужно беспощадно уничтожать. Духовность сталинской диктатуры, о которой с ностальгией вспоминают патриоты (и коммунисты, и даже некоторые православные), непосредственно связана с репрессиями против «врагов народа», которые (как социальные технологии) удостоверяли и поддерживали состояние войны внутри советского общества. Переход к идеологии мирного сосуществования был первым шагом к деконструкции исторической общности советского народа.

Болезненность встречи с собой как с чужим, как с толпой, зависит от того, насколько жестко и неспособно к изменению господствующее представление о самом себе. Изовравшийся «научный коммунизм» обеспечил советскому обществу неспособность различить новую социальную реальность, и тем самым определил его болезненный развал. Реально происходивший исторический процесс изменения, становления другим никак не схватывался словами советского самосознания и использовавшимися социальными практиками. Демократы тоже не нашли ничего умнее попытки набросить на новую реальность представлений давно устаревшего либерального сознания. В результате ничего кроме очередной имитации не возникло.

Типы господства по М. Веберу

Мне представляется, что описанные Ясперсом структуры общества находятся в состоянии смыслового резонанса с представлениями М. Вебера о типах господства. По Веберу, существует несколько типов господства, которые различаются по тому, как в обществе происходит их легитимация. Он пишет: «Существует три чистых типа легитимного господства. Их легитимность может быть:

1) рационального характера, т.е. основывается на вере в легальность установленного порядка и законность осуществления господства на основе этой легальности (легальное господство); или 2) традиционного характера, т.е. основывается на обыденной вере в святость традиций и вере в легитимность авторитета, основанного на этих традициях; или, наконец, 3) харизматического характера, т.е. основывается на незаурядных проявлениях святости или геройской силы, или образцовости личности и созданном этими проявлениями порядке (харизматическое господство).

В случае легального господства люди подчиняются законно установленному объективному безличному порядку (и установленным этим порядком начальникам) в силу формальной законности его распоряжений и в их рамках. В случае традиционного господства личность подчиняется господину, правящему на основании традиции и связанному традицией в силу ее почитания по привычке. В случае харизматического господства подчиняются харизматическому вождю как таковому в силу личной веры в его откровение, доблесть или образцовость, т.е. в его харизму⁴.

Несмотря на то, что Ясперс сам не устанавливает связь своей троичной структуры социальной динамики с классификацией господства по Веберу (сама классификация приводится Ясперсом, но в другом контексте), нетрудно заметить, что рациональному типу доминирования соответствует состояние публики, а традиционному — состояние народа. Харизматическое господство со склонностью к суггестии и метафоричности языка вполне можно сблизить с состоянием массы. Правда «образцовость» и «особенность» необходимо понять в перспективе проделанной в последующие годы (прежде всего фрейдизмом) работы по истолкованию роли вождя и массы. Вождь действительно выступает образцом, но не на уровне механизмов сознания, а на уровне различных вариантов бессознательной идентификации. Его «особенность» имеет так же характер не выдающейся способности разума, а, скорее, некоторой формы психопатологии. Поэтому в центре действительно стоит вопрос веры. Термин «господство», использованный Вебером, эвристически весьма полезен, поскольку потенциально содержит в себе возможности для экспликации значений силы и власти (как их общее смысловое начало). И народ, и публика имеют свои силовые органы само-сохранения, применяют различные практики насилия (из-вне детерминации состояния членов общества) и власти, предоставляя свои канализированные практики «заботы о себе».

В каком смысле охлократия может оказаться «включенным третьим» между рациональной и традиционной формами господства? Следуя логике предшествующих рассуждений, предположу, что охлократия встроена в структуры рациональной формы господства публики и традиционной формы господства народа так, что является условием, обеспечивающим их устойчивость в потоке становления в форме не самотождественности, но самоподобия. Но в каком смысле можно говорить о господстве в отношении охлократии, имея в виду ее существенно пограничный характер, описываемый дополнительными квалификациями массы-толпы и могущества-немощи?

Подсказка языка

Прислушаемся к подсказке языка, который для описания господства использует такие слова как «устрашение», «принуждение», «подчинение» и «могущество». *Устрашение* подводит к наиболее фундаментальной функции охлократии. В каком смысле охлократия присутствует «у», т.е. около страха? И о каком страхе идет речь? Не вдаваясь в подробности, отмечу, что речь идет о преобразовании экзистенциального переживания хаоса (алогического становления) и непредставимости, воплощенных в толпе в одомашненное переживание угрозы, воплощенной в массе как потенции преобразования общностей народа и публики. Хайдеггер обозначил это преобразование как превращение ужаса в страх (в других переводах — страха в переживание боязливости). С. Кьеркегор различал страх метафизический и страх психологический. В любом случае на место безвидного хаоса толпы становится пусть и виртуальная, но различимая предметность массы. Харизматическое господство и является результатом подобного рода трансформации. Нации, прошедшие стадию социальной разрухи, как Советская Россия после Гражданской войны, или кризис самоидентичности в результате поражения в войне, как Германия, хватаются за харизматическое господство как за соломинку. В современной ситуации, когда наука утратила претензии на всеохватывающее представление всего того, что *есть* (Истину) и стремительно преобразуется в источник практически полезных технологий, когда отдельный человек и человечество в целом все больше погружаются в черную дыру непредставимого, хаоса, все большее место в душе человека занимает толпа. Инстинктивным ответом является формирование массовой культуры, которая отчасти трансформирует толпу в массу, ужас в различимый страх.

В этом также корень такой характеристики как принуждение. Господство охлократии — в реализации нужды в утрашении. Виртуальные формы, в которых массовая культура осуществляет первичное преобразование ужаса в различимые формы страха, одновременно оказывается способом заслонения человеческого сознания от стихии алогических форм бессознательной жизни. В этой ситуации, осуществляющееся повсеместно желание *подчинения* вождям (неважно, порно-звездам, диктаторам или модным писателям) является исторической неизбежностью, некоторым механизмом самостабилизации культуры в зоне ее непосредственного столкновения с ширящейся и сгущающейся тенью хаоса и непредставимого как такового, животного, обнаруженного в сердце человеческого мира.

Таким образом, у охлократии есть своя культурная миссия. Она работает на границе между космосом человеческих сообществ и окружающим хаосом. Это зона первичного одомашнивания дикости в себе и вне себя. Все остальное в культуре вырастает лишь на этой первично обработанной почве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 142 — 143.

² Там же. — С. 143.

³ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. — С. 112.

⁴ Вебер М. Типы господства и их отношение к экономике // Вебер М. Хозяйство и общество. Ч. 1. Экономика, общественное устройство и власть». Гл. III. — Интернет-ресурс <http://www.i-u.ru/biblio/archive>

Аннотация

Охлократия интерпретируется как пограничное состояние человеческой общности, включающее в себя дополнительные планы толпы и массы, а так же силы и власти. Ее культурная роль — в обеспечении стабильности в условиях перманентных изменений.

Ключевые слова:

Охлократия, пограничное состояние, сила, власть, народ, публика, массы, толпа.

Summary

Ochlocracy is interpreted as the borderline zone of human communities including additional plans of crowd and masses, forces and the powers. Its cultural role lies in maintenance of stability in the conditions of permanent changes.

Keywords:

Ochlocracy, borderline zone, force, power, people, public, masses, crowds.